

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ЛИХАЧЕВА

28(15).XI.1906—30.IX.1999

В это трудно, невозможно было сразу поверить, — что он умер: мы, работавшие с ним кто десятилетия, кто годы, привыкли, что он есть — с нами, над нами, — постоянный, прочный, вечный. Он и оказался почти что вечным, не дожив семи лет до ста. Разрушительница смерть, создательница исторических рубежей, столько раз к нему приближавшаяся — и в лагере, и во время блокады, на этот раз не отступила; и вот нас уже переносит временем через какой-то важный рубеж.

Уход из жизни академика, заведующего Отделом древнерусской литературы Пушкинского Дома, Дмитрия Сергеевича Лихачева — это конец целой эпохи, его эпохи. Она, конечно, не оборвется полностью следом за его жизнью, потому что он оставил школу — и в узком, и в широком смысле слова, привил ей вкус и стиль работы и поведения, научного и общественного.

Мягкий, спокойный, любезный, корректный, внимательный, он никогда, кажется, не бывал расслабленным, надломленным, внутренне размягченным, «махнувшим на все рукой», но постоянно был «адекватен», готов к творческой импровизации; и если требовались сила, твердость, смелость, готовность к риску, он немедленно их обнаруживал. До самых последних дней Дмитрий Сергеевич сохранял ясность своего необыкновенного ума, живую вовлеченность в научную и общественную жизнь и внутреннюю, равно как и наружную, «форму».

И все кругом это чувствовали, на всех соприкасавшихся с ним это отражалось. Одно его присутствие сообщало окружающим некоторую торжественность и красоту, требовало от них собранности и наличия (либо изыскания и обретения) самых лучших качеств. Последние годы это ощущала уже вся наша страна, в том числе президент и правительство, и все старались с ним как-нибудь соприкоснуться, это испытать, чтобы увидеть (или показать другим) себя в новом свете. Дмитрий же Сергеевич был необыкновенно в общении щедр, всегда умел увлекаться новыми людьми, особенно талантливыми, им помогать, их защищать. Мог просто и точно сказать о важном и сложном. И ему безусловно верили. Поэтому проститься с ним в Таврический дворец с утра до вечера шла самая разнообразная публика — от премьер-министра с губернатором и бывших по-

литиков (рассчитывавших, наверное, этим приподнять себя в глазах людей) до школьничков и суворовцев средних классов (без сопровождения взрослых!), и не все успели, смогли попасть, а потом теснились в соборе Князя Владимира и на кладбище в Комарово.

Личность Дмитрия Сергеевича Лихачева и дальше, несомненно, будет оказывать свое научное и общественное влияние, потому что стала уже неотъемлемой принадлежностью нашей истории, нашей культуры, культуры России XX века. Но теперь от него самого это влияние уже не будет очевидным образом зависеть; только в этом смысле его эпоха окончилась: будут ведь жить его работы, даст Бог — будет жить и работать его Отдел (как мы привыкли говорить, Сектор), и уже от нас, его коллег и всех прочих, будет зависеть, в какой мере наступающий век останется или, может, станет его эпохой даже в большей мере, чем последнее десятилетие века уходящего, не говоря уж о 20—30-х годах, когда он сидел на Соловках, или 60—70-х, когда власти пробовали его сломить, избивая и стараясь поджечь его квартиру. С только что сломанным ударами агента ребром Дмитрий Сергеевич приехал тогда в Университет и спокойно произнес яркую речь, открывая посвященную «Слову о полку Игореве» конференцию, и только потом, бледный, пошел к врачу. Удивительным образом он даже в таких — то есть в любых — обстоятельствах умел сохранить «лицо», свой образ мысли и деятельности.

Это проявилось уже в молодости, в период заключения в «Соловецком лагере особого назначения», где он сделал объектом научных наблюдений и размышлений среду и речь уголовников (его первая печатная работа). А потом, «на воле», в Ленинграде, он, к счастью, быстро попал в русло серьезнейших и методически совершеннейших исследований древнерусской и вообще русской литературы, и тут его природные данные, его замечательная общая образованность и уже испытанный лагерями характер оказались востребованными и стали приносить богатые плоды в виде публикаций древнерусских текстов, историко-литературных и теоретических работ. Во всех этих случаях он имел в виду и действительно обращал внимание своих читателей, а затем и учеников — и никогда не переставал это делать! — на рукописную книжность Древней Руси. Он увидел и понял, какое это — ожидающее нас, до сих пор не до конца открытое (и, наверное, никогда не могущее быть до конца открытым) — чудо. И непременно условием для работы в его науке поставил текстологическое исследование по возможности всех списков изучаемого и подготавливаемого к печати древнерусского литературного произведения. Молодых ученых он, уже академик, призывал черпать вдохновение в работе с древнерусскими рукописями, — где почерпнул его сам. Диапазон его личности проявился при этом в способности к широкому историко-культурным обобщениям. Рядом книг он открыл читателям древнерусскую литературу как целое, как явление, и как процесс, ведущий к новому и новейшему времени. По сути дела, именно в период борьбы с «пережитками прошлого» он показал и объяснил своеобразную красоту, «поэтику» этого Прошлого, выразившуюся в

его литературе, а процесс ее развития вписал в историю европейской культуры. Это было и остается его великой заслугой.

Разумеется, Дмитрий Сергеевич опирался здесь, как и при изучении древнерусских летописей, которым он посвятил докторскую диссертацию, не только на свои собственные исследования, но и на работы других ученых, многое в которых сейчас уточнено, исправлено и дополнено; но это не отменяет общего смысла, пафоса и значения его обобщающих книг: они по-прежнему открывают читателю литературу и культуру Древней Руси, научают любить ее, побуждают обращаться к ее рукописному наследию и размышлять — как над историей текстов, соотношением их списков и редакций, так и — по его примеру — над сутью и судьбами этой культуры в целом.

Поощряя всех находить собственные любимые темы и произведения для исследовательской работы, Дмитрий Сергеевич при этом опять-таки постоянно заботился об общем и целом — о создании и обновлении общей картины литературы Древней Руси. Эта профессионально сделанная картина должна была стать заслоном для дилетантов и шарлатанов и основой для дальнейших серьезных изысканий. Так, по его инициативе его Сектором-Отделом были созданы обширные «полотна»: «Энциклопедия „Слова о полку Игореве“», «Словарь книжников и книжности Древней Руси», «Памятники литературы Древней Руси», удостоенные Государственной премии, и создается ныне 20-томная «Библиотека литературы Древней Руси», которая должна довести материал и читателя уже не до XVII только, но до XX, если не XXI в. И это тоже оказывается инициированным Дмитрием Сергеевичем великим открытием — что Древняя Русь с ее поэтикой Вечности никуда не делась, жива.

Если бы у Дмитрия Сергеевича не было этого чувства постоянного присутствия Вечности в любом настоящем, он не понимал бы древнерусской и классической русской литературы, не любил бы их, многого не видел бы и в современности, что оказалось в XX в. для большинства закрытым, и сам не был бы таким мудрым и неожиданным, каким он был. Он мог, к примеру, утешая потерявшего отца сотрудника, сказать, что все в этом мире временно, в том числе и смерть; мог, отвечая с эстрады на вопрос, что в литературе вечно, сказать, что вечно то, что наиболее современно. Все это, разумеется, как и восприятие древнерусской литературы, — с точки зрения Вечности, Вечности-в-настоящем, ему доступной.

Но вот он ушел, чуть-чуть опередив тысячелетие, из настоящего. Всю ночь перед похоронами над ним в соборе Князя Владимира его сотрудники, сменяя друг друга, читали Вечную книгу. Оглядываясь теперь с рубежа, через который переносит нас время, на век прошедший с его массовыми чудовищными культурами — светлого Будущего и сладкого Момента, — мы, пожалуй, можем одним из наиболее современных в нем, то есть наиболее адекватно поведших себя, людей, а значит, вечных — в том числе и исторически, в российской истории, — признать с благодарностью именно его, открывшего нашей великой потрясенной до беспамятства стране ее самоё.